

Цена 4 р. 26 к.

Сергей Орлов

40,496

ПОХОД

продолжается

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Сергей Орлов

ПОХОД ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Издательство ЦК ВЛКСМ
"МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"
Ленинград
1948

Вдоль

по реке

* * *

Время песне настало
Выходить на работу.

Что с того, что шагала
Песня в маршевых ротах.
Что с того, что танкисты
В гвардейских бригадах
Выносили со сзистом
Песню на автострады
Трех держав иностранных
И столиц заграничных...

С перламутром баяны,
Работы отличной,
Пусть хранят те куплеты,
Что бойцами, бывало,
Были весело спеты
На коротких привалах.

Нынче время такое,—
Сняли парни шинели
И для нового боя
Спецодежду надели.
Время острить рубанки,
Топоры и зубила
И вставать спозаранку,
Чтобы в полную силу
Наша грянула песня —
Слово верное на кон! —
Чтобы было ей тесно
И просторно, однако,
Чтоб ее хлеборобы
К себе зазывали,
Чтобы пели и чтобы
Своей называли.

Где-то зори на склоне
Небес догорают,
Ржут далекие кони,
И, в полях замирая,
Ходит песня за речкой
В селе недалечко,
Золотистым колечком
Мотив завивая...

ЖИВАЯ ВОДА

Шел солдат из похода. Жара плыла.
Гимнастерка белым-бела.

Сапоги заскорузлые в глине сухой.
Шел от пыли совсем седой.

Но взлетело на гору шоссе, как струна,
И открылась ему Шексна.

Сто нерусских — зеленых и синих — рек
Пересек для нее человек.

Он с горы сбежал и забрел в реку,
Будто десять лет пареньку.

Снял пилотку, умылся речной водой, —
Был седой, а стал молодой.

И легко пошел и решил тогда:
Есть на свете живая вода!

ПРИМЕТЫ ВЕСНЫ

Который день метет пурга
Сыпучие снега.
В полях сугробы, как стога,
Кипят в снегу лога.

Но здесь, в правленьи, мужики
Толкуют о весне:
Упряжка, плуги, сошники,—
Пускай повсюду снег.

В прожженном фартуке, черна,
Огнем прокалена,
На кузнице гремит весна
С рассвета до темна...

Пускай бураном навесным
Мороз летит с Шексны,—
Приметы явные весны
В правлении ясны.

ДОМА

Всю ночь ворочался в постели
С войны пришедший человек
И слушал, как грачи летели;
Встревоженный ворчаньем рек,
Шинель накидывал на плечи,
Шел на скрипучее крыльцо,
Сутулый и широкоплечий,
Он ветру подставлял лицо.
По плугу тосковали руки,
Тянули, как магнит, поля.
Да, он почувствовал в разлуке,
Что значит для него земля...

Он думал, жег табак в ночи
И уходил неспешно в избу,
И слушал, как весна стучит
Дождем и ветром по карнизу.
И только в окна грянул свет
Зарей и песнею скворчиной —

Он вышел в молодой рассвет,
Глазами дымный мир окинул,
Увидел, как мокры кусты,
Поля черны, холмы покаты,
И от напора льдов мосты
На речке выгнулись горбато.
Парная отошла земля,
Плыл лед поемными лугами,
Горькаво пахли тополя,
И конь перебирал ногами,
И одуванчик расцветал
У борозды на солнцепеке,
И жаворонок забирал
Все круче в небосвод высокий . . .

Солдат за плугом в вешний дым
Пошел торжественно полями,
Как будто не заря над ним,—
Гвардейское пылало знамя.

ДЕРГАЧ

Зацвели за Вологдою ивы,
Вскрылась полноводная Шексна.
В эти дни меня зовет призывно
В отчий край раздольная весна.

В тонкий ствол оттаявшей рябины
Прянул сок могучею струей,
Из Египта устремились клином
Журавли горластые домой.

И бежит через края чужие
Все пешком домой дергач, пешком,
По земному шару все в Россию.—
Тонкий, голенастый, хвост торчком...

* * *

Опять плывет закат над реками.
Туманы на воду легли.
И петухи прокукарекали,
Должно быть, на краю земли.

Вновь движется по борту русская,
Просторная моя земля.
Бежит луны дорожка узкая,
Цепляясь за крыло руля.

А коростели, как уключины,
Скрипят, скрипят... Весь край
родной
Плывет меж облачными кручами
На веслах в тишине ночной.

А где-то жаркая гармоника,
Негромко ахнув, понесет

Простую песенку о конниках
До самых северных широт.

И отзовется эхо чистое,
Как тонкий стук ее подков,
Клинками сабель, дымом выстрелов —
Далеким отблеском боев.

* * *

Есть где-то моря-океаны,
Там волны до неба летят,
А здесь у руля капитаны
На мостиках тихо стоят.

Ни лоции нет, ни компаса —
Знакомая с детства река,
Как выверена по ватерпасу,
Пустынна, тиха и гладка.

Беяны, груженные тесом,
Избушки на грузных плотах,
Речные высокие плесы,
Свистки куличков в камышах.

Плывут работяги-буксиры,
Натянут канат, как струна.
Ровняет плоты по ранжиру
Зеленой линейкой Шексна.

Работают молча матросы,
Тоскует на барке гармонь,
А вечером мачты выносят
Под звезды зеленый огонь.

Скрипучею дремой парома
Навстречу пройдет перевоз,
Пахнет сенокосом знакомо
С парома осанистый воз.

„Ну как там, Фадееч, с покосом?“
Картуз приподняв, капитан
С буксира паромщика спросит,
Вглядевшись в вечерний туман.

Ему, как и волку морскому,
На сушу не скоро ступать:
Он в плавании тоже — и дома
До осени, зная, не бывать...

П А Р О М Щ И К

Если едешь ты в Кириллово —
Под горой паром, мысок.
Там тебя за душу милую
Переправят в городок.
Пожилой паромщик — маленький,
С темным шрамом на щеке —
Ездит в шапке, в старых валенках,
На пароме по реке.
Он упрется в борт старательно —
Тяжеленько одному,
И поможешь обязательно
Ты с приятелем ему.
Пусть канат скользит, как сыромьять,
Ты его потянешь вкось:
Много рек тебе форсировать
По Европе довелось.
Так ты с низкими поклонами
Будешь ехать по Шексне,
И качнет ответно кронами

Бор на правой стороне.
А когда, в причал ударившись,
Пришвартуется паром —
Сам паромщик, как к товарищу,
Подойдет к тебе потом.
— Разреши огня, пожалуйста!—
Спичка выстрелит в руке.
— Где-то мы, солдат, встречались,
Не на Одере-реке?..

СТАРЫЙ БУКСИР

Буксиру не приснится океан.
В затоне тихом, на приколе вечном,
Стоит видавший виды ветеран,
И ржавчина легла ему на плечи.

Он, пресноводный житель длинных рек,
Весь почернел от копоти и сажи.
В каком году он начинал свой век,
Ему, пожалуй, и не вспомнить даже.

А сколько он провел больших плотов
Да барок с камнем, с кирпичом
к причалам?
Из них немалых десять городов
Построить можно было бы, пожалуй.

Мальчишки удят с борта пескарей,
В пустынном трюме бродят по железу.

Он молча спит, ни широтой морей,
Ни далью океанскую не грезя.

Лишь тонким стоном отвечает сталь,
Когда гудят суда на повороте...
Стоит буксир, как бы сама печаль,
Сама тоска железа по работе.

БАКЕНЩИК

Река разлившаяся, быстрая
В туманах по ночам плывет.
Но бакен вдруг горячей искрою
Из тьмы приветливо мигнет.

И пароход идет уверенно,
От огонька на огонек,
Фарватером реки проверенным,
И пусть туманный путь далек.

Пусть мели есть в реке опасные,
Доставить нужно грузы в срок...
Горит-горит косынкой красною
Во тьме далекий огонек...

А бакенщик, сев в лодку древнюю,
Их зажигает каждый раз,
Когда закаты за деревьями
Здесь умирают в поздний час.

Живет на берегу он издавна,
И в дождь и в бурю, вопреки
Стихиям всем, по чести призванный
Следить за вехами реки.

И рулевые в ночь туманную
Добром вспомнят каждый раз
Его, когда огни багряные
Вдали увидят в поздний час.

А он, совсем о том не ведая,
Наверно, чинит фонари,
Вставляя сам в оправы медные
Кусочки алые зари.

НОВЫЙ МОСТ

Мост — как радуга из железа —
Перекинулся над рекой.
Три бетонные волнореза
Утверждают его покой.

Левый берег и правый берег
Повстречались накоротке,
Во реча данная в полной мере
Отразилась в Шексне-реке.

Там в ажурных железных
звеньях
Спят застрявшие облака,
Словно фотоизображенье,
Колыхающееся слегка.

Вот качнули, сверкнув, оркестры
Медных труб музыкальный гром,

Поезд тихо тронулся с места,
Поезд стукнул в мост колесом.

И прошло его отраженье
Все в знаменах и все в венках,
Все зеленое, все в движеньи
В синем небе на трех быках.

ЗЕМЛЕЧЕРПАЛКА

И день и ночь она, железная,
Гремит без отдыха и сна.
Под ней, ленивая и резвая,
Течет, бежит река Шексна.

Ковши ползут с тяжелой глиною
И, опрокинувшись в трубу,
Покачивающуюся и длинную,
Опять пустые дно скребут.

Там облака на дне качаются,
Курчавые, отражены,
Машина даже их старается
Поднять наверх из глубины.

Чтоб проходили шагом царственным
Рекой большие корабли
Спокойно с грузом государственным
Вдоль берегов родной земли.

В ДИСПЕТЧЕРСКОЙ

Под наблюдением диспетчера
По рекам движается флот.
В журнале у него отмечено
Куда какой буксир идет.
Тяжелый груз машин для Вологды,
Беляны с тесом в Ленинград,
Груженные брусками золота,
Плывут, качаются, спешат.
Включая микрофон на линию,
Он от зари и до зари
Весь шумный день, всю ночь
недлинную
Со всей рекою говорит.
На Чайке „Волхов“ встал
с „Мологою“,
В Топорне в шлюз вошла „Москва“.
Диспетчер спрашивает строго их,
Где задержалась „Нева“?
Десятки рек страны в диспетчерской
Аукаются в тишине,
Как будто бы они отечеству
Все вместе служат на Шексде.

ПЛОТОГОН

Ему пятнадцать лет под осень
Исполнится всего, а он —
В отцовском пиджаке, курносый —
Уже заправский плотогон.

На бревнах дерн уложен клумбой
У ног его для огонька,
И босоногому Колумбу
Как океан Шексна-река.

Плывет он, земли открывая,
С багром тяжелым, на плоту.
Костер горит и осыпает
Сухие искры в темноту.

Перекликаются с буксиром
Далеким эхом берега,
И Млечный путь блестит над миром,
Как неизвестная река.

Вот будет осенью рассказов,
Когда он станет вспоминать,
Что видел, где друзьям ни разу
Не приходилось побывать.

Жизнь перед ним рекой широкой,
Как в реку, он в нее влюблен.
Минуют пристанями сроки,
И капитаном станет он.

А волны плещутся о бревна,
До Щербакова путь далек.
Горит на клумбе яркий, ровный
Костра дремучего цветок...

ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ

Здесь, сужаясь и приседая,
В темных зарослях ивняка,
Вниз с плотины, почти седая,
Вертикально летит река.

Опрокинутая на спину,
На лету превращаясь в гром,
Гулко падает в пасть турбины
И закручивается винтом.

Продолжают ее вращенье
Якоря динамо впотьмах,
И мы видим ее свечение
В металлических проводах.

На железных ногах, по звеньям
Пропыленного большака,
Здесь высокого напряжения
По стране шагает река!..

ПЛОВУЧАЯ КУЛЬТБАЗА

На сцене культбазы пловучей,
В кисейное платье одета,
В любви по Ромео измучась,
Грустит и тоскует Джульетта.

Девчата из ближних колхозов—
Доярки, вязальщицы, жницы—
Сидят, и нестыдные слезы
Дрожат у девчат на ресницах.

Сурово молчат плотгоны,
Колышется занавес алый,
Печальная песнь о влюбленных
Почти полсела взволновала.

А в окнах речная прохлада,
Плывет вологодская осень,
Дыхание дальнего сада
И трав увяданье доносит...

Подходят буксиры и разом
Свой ход убавляют на малый,
Чтоб не потревожить культбазу,
Волною не стронуть с причала.

Как будто на мостиках знают,
Что здесь умирает Джульетта,
И, тихо штурвалы вращая,
Уводят буксиры к рассвету.

А осень шуршит по откосу
Осокой засохшею в глине,
И ветер из поля доносит
Старинную песнь о рябине...

В РЫБИНСКОМ МОРЕ

От Черéповца до Щербакова,
В сто километров ширины,
От ненастья почти лиловы,
Ходят волны, как валуны.

Там, где лес побасенки баял,
Пел, шаманил,—прошла вода,
Сосны каменные срубая,
Свирепея, как никогда.

И в медвежьих берлогах ныне,
Двухпудовые, среди тьмы,
В шубах бархатных на резине,
Как чугунные, спят сомы.

Парохода железная туша
Прет уверенно напролом.
Победители моря и суши
Крепким балуются чайком.

Сапоги снимают в каютах,
Гасят свет и в тиши кают
Дермантиновому уюту
Молча должное отдают.

Что́ им мокрой воды стихия —
Пена белая на ветру.
Им дела предстоят такие,
Позавидуют все вокруг. —

Горы с места сдвигать и долы,
Реки на плечи поднимать...
Пароход, как огромный молот,
Плющит волны...
Я лягу спать.

Пусть вода меня укачает,
Убаюкает, сон придет,
Как волна, на ветру крепчая,
Из неведомых мне широт.

И приснится под гул ненастья,
От Мегры до Череповца,
Край огромных работ и счастья,
Перестроенный до конца.

СТАНЦИЯ ВАЛЯ

Легким именем девичьим—Валя---
Почему-то станцию назвали.
Желтый домик, огород с капустой,
Поезд не стоит и двух минут,
На путях туманно, тихо, пусто...
Где ты, Валя, проживаешь тут?

Подступают к паровозу сосны,
Охраняя станции покой.
Валя, Валя, выйди, как березка,
К семафору, помаши рукой.

Видно, был влюбленным тот путеец,
Инженер, чудака немолодой,
Полустанок в честь тебя затеял
С остановкой краткой путевой.

На минуту. Постоять, влюбиться!
Стукнут рельсы, тронется вагон.

Я хотел бы здесь остановиться
Навсегда у сердца твоего.

У тебя по самый пояс косы,
Отсвет зорь в сияющих глазах...
Валя, Валя, где-то за откосом
Голос твой мне слышится в лесах.

* * *

Л. П.

Ты любовь не зови,
Коль ушла она прочь от порога.
От несчастной любви
Есть отличное средство — дорога.

Километрами меряй
Летающее время разлуки.
Позабудешь потерю,
Коль занято сердце и руки.

Поброди по тайге, задубей
От наждачных ветров на заимках,
От железных дождей,
От мороза и льда, от зазимка.

Топором поработай
И горы порви аммоналом,
Все забудь и, припомнив кого-то,
Вернись и влюбляйся сначала.

В синеглазую девушку,
Вовсе не схожую с тою,
Не подумавши (где уж там!)
Стоит любить иль не стоит.

И нагрянет любовь,
От которой — нѣкуда деться,
А коль влюбишься вновь —
Помогло, значит, верное средство!

* * *

Еще темно, еще туман в полях,
Но слышу гул мотора издалека,
Кольшется тяжелая земля,
И вижу: трактор движется с востока.

А вот и солнце медленно встает
За трактором,
Роса блестит полоской,
Как будто солнце он на небосвод
Вытягивает на работу тросом.

НА ДОРОГЕ

Леониду Буркову

День ушел дорогой торною.
Дремлет грузная земля.
Ночь прохладная, просторная.
Скрип во ржи коростеля.
Вновь полуторка попутная,
Над кабиной ветерок.
Остановка двухминутная —
И опять шуршит песок.
Незнакомые попутчики
Не случайно завели
Разговор в ночи по случаю
Урожайных дел земли:
Тракторист колхоза дальнего
Едет в город в МТМ,
Прямо с поля за деталями,
И других не любит тем;
Полевод, дымя цыгаркою,
Наклоняется ко мне:

„Ох, и время, парень, жаркое,
Будто снова на войне.
Нынче нам земля-кормилица
Уродила на весь свет.
Мы по хлебу истомилися
По такому за пять лет!“
Ну, и мне, поэту, тоже ведь
Не о звездах говорить,
Трудный год мы вместе прожили,
Вместе жить — дела вершить.
Пахнет медом и гречихою
Вся дорога без конца...
Хороша беседа тихая,
Не для красного словца.
И наверно с нами мысленно
В этот поздний час, в Кремле,
Говорит Генералиссимус
О кормилице-земле.

НОЧЬ

Над районом ночь и осень,
Звезды гаснут у земли.
Ветер запахи доносит
Жита с медом издали.

В полевом колхозном стане
Комбайнеры, косари.
Спят мои односельчане,
Лишь в правленьи свет горит.

Лишь в правленьи, словно в ставке,
До утра не спит народ. —
Срочный план хлебопоставки,
Диспозиция работ.

На столе в углу шинели,
Дремлет эмка во дворе,
Решены и ясны цели, —
Наступленья на заре.

РЯБИНА

На перекрестке тонкая одна
Рябина встала, зелена, пригожа,
А кисти ягод, как флажки... Она
Здесь на регулировщицу похожа.

Я нынче по привычке фронтовой
Откозыряю боевой девице,
Ведь едем мы с победою домой:
Скрипят возы высокие пшеницы.

РАДУГА

Удался нынче урожай на славу,
Проходит осень по родным полям.
Ты на советскую взгляни державу:
Скрипят возы по сельским большакам.

Лежит в мешках тяжелых на подводах
Отборное, хрустящее зерно.
Его в полях растили всем народом,
И всем народом ждут его давно.

Идут возы высокие — качаясь.
Покрапал дождь, и солнце вновь горит,
А над дорогой радуга цветная,
Как арка триумфальная, стоит.

Высокая, под самый купол неба
Поставлена, чтоб далеко светить,
Чтобы могли возы с колхозным хлебом
Пройти под нею и — не зацепить.

* * *

Словно башни победы на рыжих
сувалах
Скирды хлеба. Скрипучая песня колес.
Листья падают, как позывные сигналы
Дальней радиостанции, с белых берез.

Над дорогой, над елью, над камнем, над
срубом,
Над болотной кугой, оглашая приказ,
Журавлиного войска высокие трубы
Поднимаются к солнцу в назначенный
час.

И уже на селе вышибает дубовые
днища
Бородатая брага. Раздайся, народ!
Это осень выходит на круг, подтянув
голенища,
Вот ударят баяны, и в пляску пойдет.

* * *

Здесь постепенно умирает лето
В прохладе тростниковой сентября,
Огнем зари погаснувшей задеты,
Сады весь день торжественно горят.

За дымкой золотистой обмолота,
За кузовом прямым грузовика,
За голубым дорожным поворотом
Взъерошилась от холода река.

И в поздних волнах солнечного света,
Над берегом пустынным и крутым,
Березы, словно памятники лету,
Из серебра и бронзы отлиты.

Что вновь встречают, провожают
И смотрят в голубую рябь.

Но снег залепит расписание,
И до июньских дней опять
Никто ни встреч и ни прощаний
Не будет график соблюдать.

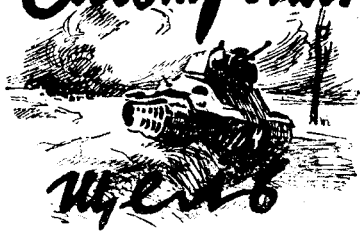
ПИСЬМО ДРУГУ

Секретарь райкома,
Друг Абанин!
У тебя, наверно,
Вновь собранье. —
В сапогах солдатских,
В гимнастерке,
Ты сидишь
В махорочном дыму...
Все уборка.
О хлебоуборке
Разговор в райкомовском дому.
Помнишь,
Ты урвал для друга вечер,
Выпили по маленькой
За встречу.
Ты сказал мне:
„Сводки урожая,
Как стихи,
Петитом набирают,

Я их, брат, читаю
Как стихи!..“
Как дела с уборкой,
Неплохи?!
Твой район
Уже, наверно, начал
И окончит скоро хлебосдачу?
В золотой пыли
Возы скрипят,
Знаменем вдали
Горит закат.
Напиши, как поживает Миша,
Что не любит слов:
Вези потише!
Он с тобою
Ездит по району,
Из колхоза
Да в другой колхоз.
Бабы к Мише
Как всегда с поклоном —
Чтобы он их
По пути подвез.
В тесноте да не в обиде!
Вечер,
Пыль клубится...
Что еще сказать?
Помню разговор наш,
Помню встречу,
И стихи
Стараюсь так писать,
Чтоб открыв журнал,

Свернув махорки,
Ты прочел их
И потом сказал:
„Прочитал
Как сводки об уборке
То, что ты,
Дружище, написал...»

Суперполар

СМОТРОВАЯ ЩЕЛЬ

В машине мрак и теснота.
Водитель в рычаги вцепился...
День, словно узкая черта,
Сквозь щель едва-едва пробился.

От щели, может, пятый час
Водитель не отводит глаз.

А щель узка, края черны,
Летят в нее песок и глина,
Но в эту щель от Мги видны
Предместья Вены и Берлина.

У СГОРЕВШЕГО ТАНКА

Бронебойным снарядом
Разбитый в упор лобовик,
Длинноствольная пушка
Глядит немигающим взглядом
В синеву беспредельного неба...
Почувствуй на миг,
Как огонь полыхал,
Как патроны рвались и снаряды.

Как руками без кожи
Защелку искал командир,
Как механик упал,
Рычаги обнимая,
И радист из „ДТ“
По угрюмому лесу пунктир
Прочертил,
Даже мертвый
Крючок пулемета сжимая.

На кострах умирали когда-то
Ян Гусс и Джордано Бруно,
Богохульную истину
Смертью своей утверждали...
Люк открой и взгляни в эту башню,
Где пусто, черно. —
Здесь погодки мои
За великую правду
В огне умирали!

АТАКА НА РАССВЕТЕ

Заря сверкнула над равниной, —
И вот уж немцы наугад
По солнцу, мина вслед за миной,
Как очумелые, палят.

Они палят, палят с заката.
Но солнце расстрелять нельзя,
И умолкают автоматы,
И тишина встает, грозя.

А мы встаем несметной силой,
Штыками раздвигая тьму —
Как бы дорогу для светила
Прокладывая в злом дыму.

Памяти товарищей, погибших
под Карбуселью.

КАРБУСЕЛЬ

Мы ребят хоронили в вечерний час.
В небе мартовском звезды зажглись.
Мы лопатами подняли белый наст,
Вскрыли черную грудь земли.

Из таежной Сибири, из дальних земель
Их послал в этот край народ,
Чтобы взять у врага в боях Карбусель
Средь глухих ленинградских болот.

А была эта самая Карбусель —
Клок снарядами взрытой земли.
После бомб на ней ни сосна, ни ель,
Ни болотный мох не росли.

А в Сибири в селах кричат петухи,
Кедрачи за селом шумят.
В золотой тайге на зимовьях глухих
Краснобурые зори спят.

Не увидеть ребятам высоких пихт,
За сохатым вслед не бродить.
В ленинградскую землю зарыли их,
Ну, а им — еще жить бы да жить. . .

Прогремели орудия слово свое.
Иней белый на башни сел,
Триста метров они не дошли до нее. —
Завтра мы возьмем Карбуселы. . .

ПЫЛЬ

Песок горячий на зубах,
Пыль на траве и тяжесть зноя,
И невысокий куст зачах
От пыли каменного слоя.

Все по краям пути в пыли,
Дорога сбита до обочин.
Нет, не века по ней прошли,
А только две военных ночи.

КУКУШКА

Кукушка куковала на рассвете,
А лесом шла железная страда...
Мы знали, многим жизнь на белом свете
Уже не исчислялась на года.

Но все-таки кукушку мы спросили, —
В приметы верят люди на войне, —
И вот по двадцать лет провозгласила
Нам здравствовать кукушка в тишине.

И про себя подумали солдаты:
Когда наступят тишь и мир кругом,
Мы, может, до годов шестидесятых
По предсказанью птицы доживем.

Но вслух никто не вымолвил про это,
Шли молча, пригибая краснотал...

„Какая все же глупая примета,“ —
Один из нас насмешливо сказал,

Но думал каждый: доживу, возможно,
Не всех людей хоронят на войне,
И эти двадцать лет в лесу тревожном
Накуковала птица только мне.

* * *

Дымок — дыхание костра —
Ввысь отлетит и там растает,
А угли на снегу с утра,
Как снегирей багровых стая...

Вспугнув ударом сапога
Горячих птиц, встают солдаты.
Клубятся дымные снега,
С рассвета путь лежит к закату

А вечером, когда костры
Опять на дальнем побережьи,
Гибки, упруги и остры,
Седеющий туман разрежут —

Повесят молча на сосне
Над бивуаком автоматы
И станут гладить по спине
Огонь усталые солдаты,
Весь мир прошедшие в огне...

НА МАРШЕ

Пыль позади на сотни метров,
Песок скрипучий на зубах,
Машины дышат жарким ветром,
И рычаги горят в руках.

Прилечь бы на траве сожженной
Хоть на обочине, в пыли,
Уснуть, не сняв комбинезона,
Из рта не выплюнув земли. . .

Но мы спешим, спешим на запад,
Как будто там, где пушки бьют,
Прохлады тополиный запах
И долгий отдых выдают.

Ревут моторы на подъемах,
Дрожит, покачиваясь, лес.
Идут машины, словно громы,
Сошедшие с крутых небес.

Колышется под ними лето,
От ветра клонятся кусты,
И молнии лежат в кассетах,
Из меди звонкой отлиты.

НОЧЬЮ

Мы к дулам пушек вяжем переноски,
Своих машин выравниваем строй,
А к вечеру ударит ветер жесткий
Угарным дымом, снегом и зарей.

Нога — на газ, рука к щитку стартера.
Давай, колонну выводи, комбат! —
В полтыщи лошадиных сил моторы
Во всю стальную мощь свою гремят...

Вот тронулась невидимая сила,
И кажется во мгле среди болот,
Что ночь сама по фронтовым настилам,
Гремя железом, на врага идет.

ТАНКИ В НОВГОРОДЕ

Мать-новгородская София,
Стены опаленного Кремля...
Через улицы твои пустые
Мы прошли с ветрами февраля,

Громящая тяжкою броней,
Будто витязи седых времен,
Александра Невского герои —
Танковый отдельный батальон!

ПОСЛЕ МАРША

Броня от солнца горяча,
И пыль похода на одежде.
Стянуть комбинезон с плеча —
И в тень, в траву. . .

Но только прежде
Проверь мотор и люк открой:
Пускай машина остывает.
Мы все перенесем с тобой:
Мы люди, а она — стальная. . .

* * *

Да, не поле перейти —
Жизнь прожить. А если в поле
Гром снарядов на пути
И огонь на суходоле?

Щели черные траншей,
В ржавой проволоке травы,
В перелеске батарей
Длинные стволы направо.

Метров восемьсот пути
Под огнем косоприцельным, —
И по полю перейти
В жизни стало главной целью?..

Скажешь, глянув на звезду,
Что сквозь тучи светит скудно:
Если поле перейду,
Будет жизнь прожить не трудно...

* * *

Как стога стоят снега,
Временный вокзал сосновый.
Станция такая — Мга.

Вспоминаю:
Это слово
Раненый твердил в бреду.
В сорок памятном году
Кровь аела на снегу.
Шел он с ротою на Мгу.
Снайпера за Черной речкой,
А у танка настезь люк,
Дыма синие колечки
Из глушителей...
И вдруг
Опускается механик,
Стукнул дизель и умолк...

Станции лесной название
Получил на утро полк.

Бредил парень в медсанбате,
Но когда в вечерний час
Диктор из Москвы палате
Зачитал о Мге приказ, —
Вытянулся строг, спокоен,
Щеки смертный снег замел, —
Видно, вплоть до смерти воин
Танк на Мгу упорно вел.
Смерть всю ночь его душила —
Не сдавался нипочем,
И ему хватило силы
В эту Мгу войти с полком.

* * *

На закате окончился танковый бой.
Грохотали моторы,
Вдали догорали „пантеры“...
Прокатилась
По синему небу
Над черной землей
И упала
На столбик сосновый
Звезда из фанеры...

* * *

Его зарыли в шар земной.
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.

Ему, как мавзолей, земля —
Ни миллион веков,
И Млечные пути пылят
Вокруг него с боков.

На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.

Давным-давно окончен бой.
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...

НА ПРИВАЛЕ

Как из камня высечены сталью,
От сапог до самых плеч в пыли,
Разметавшись молча на привале,
Спят солдаты посреди земли.

А от них налево и направо
Зарева полощутся во мгле,
Догорает грозная держава
В свежей ржави, в пепле и золе.

Батареи издали рокочут,
Умирают города в дыму,
Падают разорванные в клочья
Небеса нерусские во тьму.

Но спокойно за пять лет впервые
Спят солдаты посреди огней,
Потому что далеко Россия —
Даже дым не долетает к ней!

* * *

Вот человек — он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди
И взгляд испуганно при встрече.
С его лица не отводи. —

Он шел к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести!

Товарищи затягивались круто.
Гремел мотор. Сдвигался с места гром,
В железо первосортное обутый.
Тяжелой башни резкий разворот —
И в шлемофонах хриплое: вперед!
Вперед!

И скорость третья, и нога
Легла на газ,
И кости вражьи дзотов
Хрустят уже.

Но залегла в снега
Под пулями и минами пехота.
А с флангов жгут термитными
в упор

Тяжелый танк...

И, пламенем задетый,
Захлебываясь дымом, взвыл мотор...
Болидами во тьму прошли ракеты,
Багровых вспышек непрерывный ряд,
Тяжелых взрывов круглые раскаты —
Но вот уже орудия молчат
И пулеметы,
И пошли солдаты.
И грозное победное ура
Вдаль понесли железные ветра.

И мы пошли, гремели дизеля,
Ночь огненными крыльями махала,
И, колыхаясь, грузная земля
В прицелах танков на дыбы
вставала.

Взошла заря, с утра летят ветра,
 Седые клубы дыма разметая,
 Огонь зари, как бы огонь костра:
 В золе и пепле вся передовая.
 А над блиндажем, из последних сил
 Поднявшись к небу, как на пьедестале,
 Он все еще горел, еще чадил,
 Когда его штабисты отыскиали.
 Полковник снял в молчаньи с головы
 Чугунный шлем. Замолкли офицеры.
 Все было здесь понятно для живых:
 И это утро, этот пепел серый,
 И втопанные в землю сапоги,
 И пушки, искореженные сталью,
 И танк над всем побоищем...

Таким,

Таким он и стоит на пьедестале.

„Пускай стоит, чтобы кругом цветы,
 Чтоб виден был народу издалека... —
 Сказал полковник... — Чтобы с высоты
 Орудие смотрело черным оком,
 Как в Крым везут и в Сочи поезда
 Далеких мирных жителей на отдых.
 Как ночью с неба падает звезда,
 Сменяются закаты и восходы...“
 Горелой краской пахло от брони

* * *

У огня своя архитектура:
Пламени готические башни,
Дыма голубые купола...
Где я видел странные фигуры?
Вспоминал их у костра на пашне,
Но и память вспомнить не могла.
Может, за Варшавою костелы?..
Может, церкви белые в Софии?..
Или, может, это наши села
Догорали в трудный год в России?..

* * *

Потомок наш о нас еще вспомянет
В каком-то многотысячном году,
В путь отправляясь на ракетоплане
На только что открытую звезду.

Не представляя, как от звона стали
Земля дрожала в пламени костров,
И как ракеты толком начиняли
И посылали предки на врагов, —

Он скажет так (и прав, пожалуй, будет,
Лишь по преданьям знающий войну):
„В тот дальний век изобретали люди
„Катюшу“ для полета на Луну“.

* * *

Человека осаждают сны —
Смутные видения войны.
Он хрипит, ругается и плачет
В мире абсолютной тишины.

Очень тихо тикают часы.
Стрелок фосфорических усы.
Он лежит — седой и одинокий —
Посреди нейтральной полосы.

Светом алюминиевым ракеты
Догорают, и грохочет гром.
Время меж закатом и рассветом
Человек проводит под огнем.

* * *

В пустых землянках, в спутанных траншеях
Живет душа исчезнувшей войны,
В глухих углах, где поселились змеи,
Где бревна, как покойники, черны.

Разгладит время жесткие морщины
На всем лице израненной земли,
Не вспомнят люди даже в годовщины
О том, что здесь когда-то битвы шли.

Но может быть, когда-нибудь потомок,
В саду, где вишни с грушами цветут,
Разроет дота древнего обломок
И, содрогнувшись, взглянет в пустоту.—

Металл сгоревший плесень охретила.
Во тьму песчинки катятся шура.
Покажется: во мраке притаилась
Войны умершей страдная душа!

* * *

Где тишина и запустенье,
Кладбища тлен —
Геометрические тени
Заводских стен.
Там, за колючею оградой,
На пустыре,
Стальные мертвые громады
Спят на заре.
Огонь зари на ранах рваных
Горит дрожа,
И копоть черная на ранах,
И ржа рыжа.
Грозят стволы орудий черных,
Тупы углы,
И в отделении моторном
Темно от мглы:
Там, где взрывная мощь газойля
Ревела в нем,
Стальные мускулы, как болью;

Свело огнем.
Репей, пробившийся сквозь траки,
Цветет, как кровь,
И ветер танковой атаки
Не вспыхнет вновь,
Не опалит железных легких...
Не встанет вдруг
Танкист,
Открыв движеньем легким
Тяжелый люк.
Но долетает издалека
От хуторов
Глухой дизельмоторный рокот,
Гул тракторов.
И танкам снится спозаранку,
Что по стране
Демобилизованные танки
Идут в огне.
В огне хлебов влекут комбайны
В полях страны...
Бессмертия металла тайны
Им вручены!

ПОЛЕ

Здесь было поле боя, смерти поле.
Зловеще пел над травами металл,
Земля кричала по ночам от боли,
Солдат на этом поле умирал.

Горели танки, черный дым газойля
Вздыхался вверх и падал с высоты,
Росли одни посередине поля
Колючие железные кусты.

Теперь пшеницы море золотое
Бушует там, где бушевал огонь,
И тишину над бывшим полем боя
Тревожит только песня под гармонь.

Широкое спокойное раздолье,
Колхозным полем вновь тебя зовут...
Здесь было поле боя, смерти поле —
Отныне поле жизни будет тут!

Πлощадь
революции

ПЛОЩАДЬ РЕВОЛЮЦИИ

Под землю веянье ветров.
Площадь Революции. Метро.

Круглые сияют абажуры.
Бронзовые высятся фигуры.
В бескозырке с Балтики братишка,
С Красной Пресни токарь-ветеран,
Девушка с винтовкою и книжкой,
Хлебобоб — сибирский партизан —
Дни и ночи, месяцы и годы
Подпирают каменные своды.

А над ними высоко Москва.
В скверах пробивается трава.
Светят звезды алые Кремля.
Белым пухом сыплют тополя... —
На плечах покоится земля!

СТАЛИНГРАД

Открытые степному ветру,
Дома разбитые стоят.
На шестьдесят два километра
В длину раскинут Сталинград.

Как будто он по Волге синей
В цепь развернулся, принял бой,
Встал фронтом поперек России —
И всю ее прикрыл собой!

* * *

Пришел мальчишка в школу, в первый
класс,
Совсем малыш, веснушат и вихраст.

На парте глобус, круглый, голубой, --
Из тонкого картона шар земной.

Мальчишка перед партою привстал
И осторожно землю приподнял.

Потом рукою загорелой в цыпках
Крутнул планету бережно, не шибко.

Моря, материки попеременно
Плывуг. От глобуса он не отводит глаз.

Он вырастет хозяином вселенной...
Пришел мальчишка в школу, в первый
класс.

МОЛОДОЙ СОЛДАТ

В полк пришел
новобранец безусый,
Паренек
из-под Старой Руссы
В полк
четырежды краснознаменный.
Вносят в список его
поименный.

Девятнадцать
ему от рода.
Не бывал он
в боях-походах. . .
На стене —
героев портреты.
Он узнал о них
из газеты.
Как живые
глядят с фотографий

Люди
сказочных биографий.
Шли они,
поднимая роты,
Закрывали
собою дзоты,
С них
полка начинается список. . .

В ту же книгу
он будет вписан.
Молча
замерли батальоны,
Встал он
тихий и потрясенный,
Принимают
его перед строем,
Равным в братство
К великим героям.

* * *

За тыщи верст от моего жилья
Вновь юность повторяется моя. . .

Стучит в горах далекий пулемет,
И падает сигнальная ракета.
Не я ль ее отправил в небосвод
В далекий год под Новгородом где-то.

Горячая испанская земля.
Там кипарисы, словно тополя,
И лавры, как размашистые дубы,
И катятся и катятся в поля
Седого дыма медленные клубы,
В атаку парень поднимает взвод,
Посеистывают пули разрывные. . .
Пускай он по Испании пройдет,
Как я прошел со взводом по России.
Я не забыл, как, поднимая взвод,
Под Новгородом в тот далекий год
Я так послал ракету в небосвод,

Что мне казалось: на краю Европы
Падет она. . .

Родимая земля,
Седеющие тополя на тропях,
И клубы дыма тракторов в полях,
И грома дальний приглушенный
топот. . .

За тыщи верст от моего жилья
Вновь юность продолжается моя.

* * *

Я знаю, что пишет стихи кто-нибудь
У Маркоса в энской бригаде.
Я сам воевал и прошел этот путь,
Храня фронтовые тетради.

Мы брали высоты, ходили в бои
И песни слагали в походах.
А парни из Греции — братья мои,
Друзья с сорок первого года.

Мужала с победами муза моя
Во имя советского края.
Мне видятся нынче иные края,
И я безошибочно знаю:

По армии Маркосом отдан приказ, —
Засунув за пояс гранаты,
Поэты с бойцами идут на Парнас,
Держа на весу автоматы.

ИСПАНЕЦ

Не вчера ли в горах Бретани
Счастье наций объединенных
Молчаливый седой испанец
Добывал в боях с батальоном?
Не вчера ли в Бретани парни
Называли его командиром?..

Мир настал для народов и армий,
А ему далеко до мира.
Наступают сражений сроки,
Сапоги подбиты гвоздями,
Он уходит в поход далекий,
Спит Бретань за его плечами.

Пусть правительства мирных
наций,
Мирных наций объединенных,
Не позвали к себе совещаться
Человека из Барселоны,

Он с Мадрида им знает цену,
Не для них рисковал он жизнью, —

Но в Бретани, там непременно
Знать должны, что он, с укоризной
Обернувшись на север с горки,
Пистолет проверив в кармане,
Пожелал, усмехнувшись горько,
Доброй ночи парням Бретани.

Над горами туман клубится,
Холодна рукоять пистолета,
И звезда за черту границы
С неба падает, как ракета.

Послу навстречу дипломат встает,
Подтянутый, спокойный и суровый.

А вечер входит в голубой апрель.
Стучит по камню тонкая капель. . .
Горят, как звезды, далеко в горах
Костры в Эпире и у стен Мукдена.
Минеры в дальних греческих краях
Бойцы-артиллеристы Лю Бо-чена
И вы, в горах испанских снайпера, —
Ни пуха вам сегодня, ни пера! . .

* * *

А ночь идет, она уж на исходе.
Я слышу, как все тише шаг ее,
Горластый кочет гимн поет природе,
С насеста прославляя бытие.

И небеса холодные в туманах
Клубятся, проясняясь с высоты.
Предутреннюю дрожью на полянах
Охвачены деревья и цветы.

Сиги голубоватые в озерах
Ворочаются в водорослях, где
Бездомных звезд сухой летучий порох
Взрывается бесшумно на воде.

Хотя еще покой в лесу нарушить,
Покачиваясь, травы не велят,
Но волныши, как розовые уши,
Насторожила рыжая земля.

Встает рассвет, торжественен и розов,
Проснулось все живое естество.
Мир утверждает пресловутой прозы
С поэзией старинное родство.

Он весь звучит симфонией единой,
Обрызганный студеною росой,
В пыльце цветочной, в заскорузлой
глине,
Дорогой перечеркнутой косой,

Он лязгает полуторками ГАЗ'а
И соловьями щелкает в саду.
И вот я двери раскрываю разом,
Стихи бросаю и в него иду. . .

Там мой герой стоит в комбинезоне,
Не музою влекомый наугад,—
Он прибыл по билету третьей зоны
На электричке полчаса назад.

Он фартук надевает, он лопатку
Берет и подымает кирпичи,
И зажигают каменную кладку
Косого солнца дымные лучи.

Здесь творчества — истоки и начало!
Поэты, пустословием греша,
Неужто вы забыли, как качало
Вас на лесах шестого этажа?

Ведь вы пришли не из гостиных
строгих

В поэзию: в тридцатые года
Вас уносили в дальние дороги
Прямого назначенья поезда —

На стройки Уралмаша и Турксиба.
В теплушках плавал папиросный дым.
Припомните о молодости, ибо
Ваш голос нынче вновь необходим.

Еще не время о цветах и травах —
Из пепла поднимая города,
На передышку не имея права,
Мы все солдаты армии труда.

Повсюду бой, летит дымок известки,
Сырые стены гладит мастерок.
Здесь мой герой на шумном
перекрестке
Поэму ладит из кирпичных строк.

По всем законам творчества построив,
Уедет он однажды на заре,
И управхоз пропишет в ней героев —
Поэтов, инженеров, слесарей.

И дому жить для многих поколений!
Я к каменщику зависть не таю —
Такое хоть одно стихотворенье
Суметь бы мне сложить за жизнь
свою!

СОДЕРЖАНИЕ

ВДОЛЬ ПО РЕКЕ

Время песне настало	5
Живая вода	7
Приметы весны	8
Дома	9
Дергач	11
Опять плывет закат над реками	12
Есть где-то моря-океаны	14
Паромщик	16
Старый буксир	18
Бакенщик	20
Новый мост	22
Землечерпалка	24
В диспетчерской	25
Плотогон	26
Гидроэлектростанция	28
Пловучая культбаза	29
В Рыбинском море	31
Станция Валя	33
Ты любовь не зови	35
Еще темно, еще туман в полях	37
На дороге	38
Ночь	40
Рябина	41
Радуга	42
Словно башни победы	43
Здесь постепенно умирает лето	45
На пристани	46
Письмо другу	48

СМОТРОВАЯ ЩЕЛЬ

Смотровая щель	53
У сгоревшего танка	54
Атака на рассвете	56
Карбусель	57
Пыль	59
Кукушка	60
Дымок — дыхание костра	62
На марше	63
Ночью	64
Танки в Новгороде	65
После марша	66
Да, не поле перейти	67
Как стога стоят снега	68
На закате окончился танковый бой	70
Его зарыли в шар земной	71
На привале	72
Вот человек — он искалечен	73
Памятник	74
У огня своя архитектура	78
Потомок наш о нас еще вспомянет	79
Человека осаждают сны	80
В пустых землянках, в спутанных траншеях	81
Где тишина и запустенье	82
Поле	84

ПЛОЩАДЬ РЕВОЛЮЦИИ

Площадь Революции	87
Сталинград	88
Пришел мальчишка в школу в первый класс	89
Молодой солдат	90
За тыщи верст от моего жилья	92
Я знаю, что пишет стихи кто-нибудь	94
Испанец	95
Идут в Эпире, по камням скользким	97
А ночь идет, она уж на исходе	99

Художественное оформление
М. Гордона

Редактор Н. Гессе
Художник-редактор Г. Левин
Техред З. Кореньюк

Подписано к печати 25/X 1948 г.
М. 25436 3¹/₄ печ. л. 36704 зн.
в печ. л. 3.3 уч.-изд. л. Тир. 10.000
Заказ № 3125

Типография № 2 Управления
издательств и полиграфии
Ленгорисполкома

